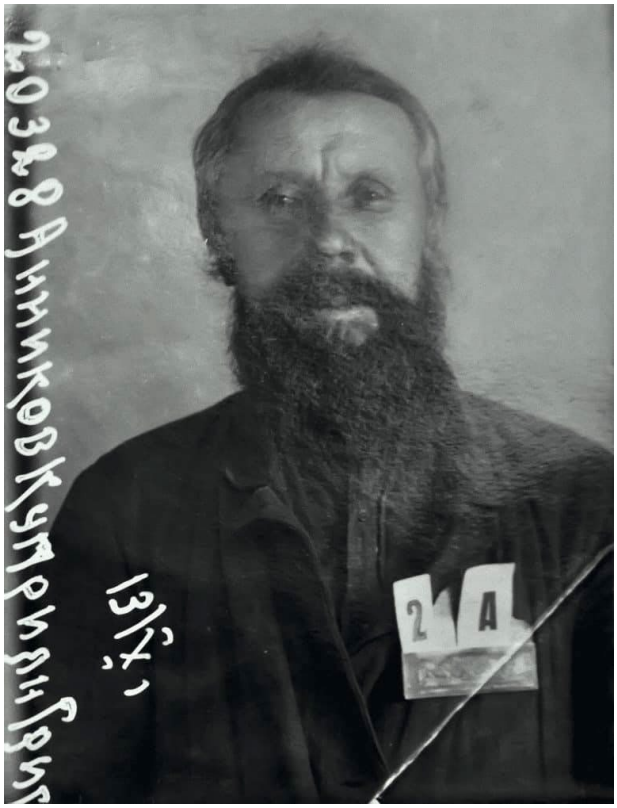
Октября 21 (3 ноября)

Мученик

Киприан Анников

Мученик Киприан родился в 1875 году в селе Зеленое Козловского уезда Тамбовской губернии в семье благочестивого крестьянина Григория Анникова. С восьми лет Киприан стал петь на клиросе и не пропускал ни одного воскресного и праздничного богослужения; впоследствии он стал членом церковной двадцатки, а затем и ее председателем. С 1929 года он стал служить в храме псаломщиком, и это ему было поставлено в вину гонителями Церкви. У него отобрали имущество и лишили гражданских прав. Киприан Григорьевич подал заявление властям и опротестовал незаконное решение – ему вернули имущество и восстановили в правах. Но он понимал: это ненадолго, государство, начав уничтожать христиан и крестьянство, доведет запланированное до конца. И в августе 1930 года он уехал в Москву и устроился сторожем на склад фибролитового завода при трудовой коммуне № 2 ОГПУ, располагавшейся неподалеку от города в зданиях уже закрытого к этому времени Николо-Угрешского монастыря, пригласив и сына Андрея переехать к нему. Приехав, тот устроился землекопом туда же, где работал отец. Предчувствие грядущих бед не обмануло Киприана Григорьевича – в 1931 году оставшиеся жить в селе члены его семьи были лишены гражданских прав и сосланы в Казахстан.



...Доказательством того, что поджог был Анниковыми спланирован, служил факт, что Киприан Григорьевич пригласил сына работать на тот же завод, где трудился сам. И этого хватило, чтобы приговорить его и сына к заключению в концлагерь, откуда Киприан Григорьевич уже не вернется.
На фото: мученик Киприан. Бутырская тюрьма, 1932

В использовавшихся не по назначению монастырских зданиях не раз случались пожары. В 1930 году в Спасо-Преображенском соборе, переоборудованном под клуб, случился пожар, во время которого сгорело почти всё клубное имущество. В следующий раз, 19 октября 1932 года, около трех часов ночи во время дежурства Киприана Григорьевича загорелся склад фибролитового завода, в котором хранилось дорогостоящее импортное оборудование. Подозрение следствия в поджоге заводского склада пало на отца и сына Анниковых. Основная улика против Киприана Григорьевича, по мнению следователя, была та, что он служил псаломщиком и часто посещал церковь и, соответственно, не мог сочувствовать советской власти, которая не скрывала своей непримиримой враждебности к религии. Доказательством того, что поджог был Анниковыми спланирован, служил факт, что Киприан Григорьевич пригласил сына работать на тот же завод, где трудился сам.

Были допрошены свидетели, четверо из них были задержаны как подозреваемые и заключены в Бутырскую тюрьму: Киприан Анников с сыном Андреем, Матфей Анохин (выходец из тех же мест, что и Анниковы, сказавший в тот день в шутку уходившему с поста пожарному: «Зачем уходишь, вот я возьму и подожгу») и прораб Василий Глотов. Незадолго перед пожаром прораб повздорил с одним из работавших в коммуне сотрудников ОГПУ из-за запрета продать ему теплую одежду и обувь: в помещении, где он работал, было холодно, а съездить домой он не мог, потому что работа велась без выходных. Объясняясь с сотрудником ОГПУ и прося исполнить свою просьбу, на что дал согласие директор завода, он сказал в сердцах: «Брошу всё дело, уеду в Москву, а там хоть присылай за мной черного ворона». Этой фразы оказалось достаточно, чтобы быть уволенным. И когда через день после этого случился пожар, то прораб оказался под подозрением.

Следствие не выяснило, был ли это поджог или чья-то халатность, и остановилось в своих подозрениях на отце и сыне Анниковых. Киприан Григорьевич был допрошен сразу же в день ареста. Рассказав, где он был во время пожара, он по просьбе следователя дополнил рассказ показаниями о преследовании его советской властью. «Меня раскулачили первый раз в 1929 году, второй раз – в 1931 году за то, что я работал в приходе псаломщиком, – сказал он. – В 1931 году семью сослали в Казахстан, а я уехал в 1930 году и больше в село не возвращался. Семья моя – жена Татьяна, сын Семен и его жена Аграфена – сосланы, за исключением дочери Нины и сына Андрея».

В тот же день был допрошен сын Киприана Григорьевича Андрей. Видя, к чему клонится дело, он отказался отвечать на какие-либо вопросы и лишь через месяц согласился давать показания, из которых следовало, что они с отцом не могли поджечь склад. 29 ноября следователь снова его допросил. Ответив, где был и что делал в ту ночь, когда случился пожар, Андрей, завершая свои показания, сказал: «С отцом я не делился по вопросам политики, хотя мы и жили в одном бараке с ним и каждый день виделись. Виновным себя в поджоге не признаю».

20 декабря следователь вновь допросил Андрея; тот ответил, что не признает себя виновным в поджоге склада и с отцом он никогда не говорил о поджоге.

27 декабря 1932 года следователь составил обвинительное заключение, в котором написал, что Андрей Анников «достаточно изобличается в том, что по договоренности со своим отцом Киприаном Григорьевичем Анниковым,

работавшим на той же постройке в качестве сторожа, совершил умышленный поджог склада фибролитового завода трудовой коммуны № 2 с импортным оборудованием». Киприан Анников «изобличается в том, что, будучи противником советской власти, с целью мести ей через своего сына, работавшего землекопом, совершил поджог склада фибролитового завода».

2 января 1933 года Киприан Григорьевич был снова допрошен.

– За что вас раскулачили? – спросил его следователь.

– Как псаломщика. Я считаю, что раскулачен и лишен избирательных прав я неправильно. Да вообще теперь не поймешь, всех раскулачивают ни за что.

– Согласны ли вы с политикой партии и власти в области раскулачивания и организации колхозов в деревне?

– Не согласен.

– Признаете ли вы себя виновным в поджоге?

– Нет, – категорично ответил Киприан Григорьевич.

Следствие было закончено. Отца и сына обвинили в том, что они, «будучи противниками советской власти, с целью мести совершили поджог склада фибролитового завода трудовой коммуны № 2 с импортным оборудованием».

Тройка ОГПУ предложила их расстрелять. Однако прокурор опротестовал это решение ввиду того, что не было никаких доказательств, что они совершили поджог, и предложил приговорить их к десяти годам заключения. И 16 января 1933 года Коллегия ОГПУ приговорила их к десяти годам заключения в концлагерь.

26 февраля 1933 года Киприан Григорьевич с очередным этапом прибыл в распределитель Сиблага НКВД в Кемеровской области, имевший здесь 16 отделений, то есть 16 концлагерей. Он был заключен в Ново-Ивановское отделение, занимавшееся выращиванием сельскохозяйственной продукции и животноводством. В бараке, где он жил, было три архиерея, много духовенства и верующих, и в свободное от работы время они собирались за бараком, чтобы вместе помолиться. Чаще всего эти богослужения возглавлял архиепископ Могилевский Павлин (Крошечкин).

Срок заключения Киприана Григорьевича заканчивался 19 октября 1942 года, но с учетом сверхурочной работы он должен был освободиться 28 июня 1938 года. Однако вышедшее в 1937 году секретное распоряжение Сталина о новых массовых арестах тех, кто был на свободе, и тех, кто уже находился в заключении, не оставляло ему шансов на освобождение.

Допрошенный как свидетель 26 сентября 1937 года Матвей Наумович Бойков, которого заключенные считали осведомителем, показал, что знает архиепископа Павлина с 1936 года, поскольку работает вместе с ним в подконвойном городке 3-й свинофермы Ново-Ивановского отделения. Ему неоднократно приходилось наблюдать, как Крошечкин вместе с Анниковым и другими заключенными собираются за 2-й палаткой подконвойного городка, где отправляют богослужения, группируя вокруг себя заключенных. После богослужения они ведут антисоветские беседы, но прекращают их при его приближении.

1 октября 1937 года Киприану Григорьевичу было предъявлено заключение следователя: «Рассмотрев следственные материалы по делу и приняв во внимание, что зека Киприан Григорьевич Анников, кулак-псаломщик, достаточно изобличается в том, что, отбывая наказание в Ново-Ивановском отделении Сиблага, участвовал в контрреволюционной группе, возглавляемой зека

Крошечкиным, постановил: зека Анникова привлечь в качестве обвиняемого, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в арестном помещении Ново-Ивановского отделения».

28 октября 1937 года постановлением тройки УНКВД по Новосибирской обл. Мученик Киприан (Анников) приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, вместе с архиепископом Павлином (Крошечкиным) и другими священнослужителями.
Здание Бутырской тюрьмы. 1930-е

В тот же день Киприан Григорьевич был арестован, и начальник 3-го отделения секретно-политического отдела Шишкин допросил его.

– Вам предъявляется обвинение, что вы, отбывая наказание в Ново-Ивановском отделении, участвовали в контрреволюционной группе, возглавляемой зека Крошечкиным, с которым проводили среди заключенных контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию советской власти. Дайте показания по существу предъявленного вам обвинения, – потребовал от него Шишкин.

– Виновным себя в этом не признаю, – ответил Киприан Григорьевич. – Не отрицаю только того, что вместе с Крошечкиным иногда читал газеты и участвовал вместе с ним в молебнах, которые устраивались за бараком во дворе подконвойного городка.

На этом допросы были закончены, и 28 октября 1937 года тройка УНКВД по Новосибирской области приговорила псаломщика Киприана Григорьевича Анникова к расстрелу. Он был расстрелян 3 ноября вместе с архиепископом Павлином (Крошечкиным), священниками и мирянами и погребен в безвестной общей могиле. О судьбе его сына Андрея после ареста ничего не известно.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Журнал ФОМА. № 11 (247) ноябрь 2023